

Как только за Кэмпбеллом закрылась дверь, Таотэ вернулся к постели. Найти кроху, испуганно сверкавшего круглыми глазами-бусинками из-под складок одеяла, не составило труда. Таотэ аккуратно выудил его оттуда.

— Таотэ... — прошептал Якоб, обхватив его палец крошечными ручками.

— Что такое? — отозвался тот.

Он перенёс малыша на стол и пододвинул к нему глиняную чашку с недоеденной кашей:

— Угощайся. Простенько, конечно, но вкус отличный.

Якоб и сам уже давно почуял разносившийся по комнате нежный сливочный аромат. Стоило Таотэ разрешить, как кроха со всех ног припустил к миске. Поднявшись на цыпочки, он заглянул внутрь, забавно сморщил крошечный носик и шумно втянул воздух:

— Как пахнет! Ох, как вкусно пахнет!

Малыш так и сиял от восторга.

— Да, пахнет отменно, — согласился Таотэ. — У Кэмпбелла на самом деле лёгкая рука, вот только шило в одном месте мешает ему готовить по-человечески. Ни минуты спокойно усидеть не может.

Кэмпбелл с самого детства рос сорванцом. И хотя сейчас он немного остепенился, дома он вёл себя совсем иначе, чем на глазах у соплеменников.

— Кэмпбелл? — Якоб, вопреки обыкновению, не набросился на еду сразу, а удивлённо оглянулся на Таотэ. В его голосе сквозило любопытство, смешанное с лёгкой, едва уловимой ревностью.

— Мой друг, — коротко бросил Таотэ, явно не собираясь устраивать им очное знакомство.

—... А у меня тоже есть друзья! — после долгого, натянутого молчания тихо буркнул Якоб. Помолчал немного и упрямо добавил: — Там, дома. В моём племени.

При этом он так обиженно надул губы, что даже слепому стало бы ясно: кроха отчаянно набивает себе цену. Никаких друзей у него, скорее всего, никогда и в помине не было.

Таотэ всё понял, но спорить не стал. Он тепло усмехнулся:

— Ну конечно. Охотно верю.

— Честное слово, есть! — Якоб так и вспыхнул. Он прекрасно видел, что великан ни капли ему не поверил. Он сердито надулся и обиженно вцепился обеими ручонками в край чашки. Всем своим видом он показывал: скажи Таотэ хоть слово поперёк — и не миновать страшной ссоры.

— Ладно-ладно, верю, — примирительно поднял руки Таотэ, решив не доводить раскрасневшегося малыша до слёз.

Характер у крохи был мягкий, покладистый, сам он никого не раздражал — и при этом рос таким одиночкой. Это казалось странным. Впрочем, Таотэ до сих пор не понимал, к какому вообще виду относится этот человек, а уж о законах его племени и вовсе не имел понятия. Рассуждать об этом было бессмысленно. Но почему-то, вообразив, как этот забавный малыш изо дня в день тихо сидит в сторонке и заворожённо хлопает глазами, пока вокруг него суется толпа таких же крох, Таотэ невольно улыбнулся.

Убедившись, что Якоб уплетает кашу за обе щёки, Таотэ озвучил свои планы:

— С утра мне нужно прибраться во дворе. Пообедаем, и после полудня я загляну к Кэмпбеллу — спрошу, нет ли у них лишних мягких шкур, чтобы сшить тебе хоть какую-то одежду. А ближе к вечеру выберусь за пределы поселения, поищу чего-нибудь съестного. Так что веди себя хорошо. Если будешь умницей, возьму тебя с собой в лес.

Кроха, у которого рот был набит кашей, усердно закивал, что-то неразборчиво прошамкав в ответ. Сидеть в четырёх стенах ему уже смертельно надоело.

Оставив малыша наедине с завтраком, Таотэ вышел на улицу.

Дрова, которые он не так давно приволок из леса, лежали грудой возле забора. За эти дни солнце успело высушить их как следует, так пришла пора перенести их под навес. Дикие травы, разложенные на просушку, стоило ещё немного подержать на солнцепёке, а затем связать в пучки и убрать на хранение. Да и в углу двора, где рос зеленолистник и целебные коренья, всё густо заросло сорняками. Землю требовалось прополоть, взрыхлить и хорошенько полить.

Вспомнив забавный писк Якоба, Таотэ сладко потянулся. Работы сегодня хватало. Если не поторопиться, до захода солнца он просто ничего не успеет.

Покончив с делами у дома, он засучил рукава и принялся за прополку грядок.

Пока он возился в земле, в ушах вдруг наступила тишина. Почуввав какое-то шевеление у самого затылка, Таотэ рефлекторно мотнул головой — и случайно смахнул нахального нарушителя спокойствия в сторону.

— Ой-ёй! — донёлся обиженный писк.

Таотэ удивлённо обернулся. Оказывается, за спиной у него парил крошечный человечек, отчаянно махая крылышками!

— Ты чего вылез? — Таотэ замер, с любопытством разглядывая гостя.

Прежде он лишь мельком видел эти полупрозрачные крылья, но тогда Якоб почти сразу их спрятал. Теперь же великан впервые наблюдал за его полноценным полётом.

Малыш завис прямо перед лицом Таотэ, обдав его щёку крошечным, едва ощутимым порывом прохладного ветра. Качнувшись в воздухе, Якоб перевёл взгляд с перемазанных грязью пальцев великана на вырванные сорняки:

— Таотэ, а что ты делаешь?

— Сорняки деру. Неужели не ви... — Таотэ прикусил язык и мягко пояснил: — Траву эту сорную выполоть надо, а то она весь зеленолистник задушит.

Таотэ прикинул рост Якоба и сопоставил его с побегами зеленолистника. Для этой крохи обычные листья были размером со спелые кроны деревьев. Да и откуда ему знать о прополке? У них в племени небось и понятия такого нет. Интересно, а существуют ли для таких малюток растения, которые они сами считают сорняками?

— Полоть? — Якоб и впрямь озадаченно склонил голову набок.

— Вот, смотри, — Таотэ подцепил пальцами один из вредных побегов и с лёгким хрустом выдернул его с корнем.

Сделав круг над огромной ладонью, Якоб с важным видом кивнул, показывая, что суть дела уловил.

А в следующий миг кроха решительно нырнул прямо в густые заросли зеленолистника. Таотэ поначалу хотел окликнуть его, но, залюбовавшись тем, как шустро тот мелькает среди стеблей, промолчал.

Якоб деловито покружил между листьями и завис над одной из травинки. Раздвинув мешающие ветки, Таотэ с улыбкой присмотрелся: малыш крепко обхватил обеими руками сорняк высотой почти в половину собственного роста и изо всех сил замахал крылышками. Вжик, вжик, вжик...

Он выкладывался на полную: обвил стебель руками и ногами, упёрся и тянул, отчаянно молотя

по воздуху крыльями. Но при росте в какие-то семь сантиметров выдернуть упругую четырёхсантиметровую травинку было задачей непосильной.

Крылья гудели, а упрямый сорняк даже не пошевелился. Снявшись с места, Якоб благоразумно решил сменить тактику. Он поднялся чуть выше и принялся задумчиво разглядывать неподатливую цель. Сложив ручки на груди и уперев палец в подбородок, он с самым суровым видом принялся разрабатывать план штурма. Наконец решение было найдено. Сложив крылья, кроха плавно опустился на землю.

Обойдя сорняк, который теперь доходил ему до самой груди, он выбрал лист покрупнее, обхватил его покрепче и рванул вверх.

Не вышло. Тогда Якоб поудобнее перехватил стебель, упёрся пятками в сырую землю, прогнулся в пояснице и потянул снова. Белая круглая попка забавно так и ходила ходуном, пока малыш пыхтел, напружинив всё своё крошечное тельце и выжимая из себя последние силы.

Якоб старался изо всех сил. Кряхтел, багровел, на крошечном лбу выступили бисеринки пота, а упрямый стебель даже не колыхнулся. Ни на волосок! О том, чтобы вырвать его с корнем, и речи не шло — даже земля вокруг стебля осталась плотной и нетронутой.

Едва сдерживая смех, Таотэ аккуратно отстранил покрасневшего от натуги помощника кончиком пальца. Затем зажал непослушный сорняк двумя пальцами и без малейшего усилия выдернул его.

Таотэ с забавным видом помахал добычей перед носом Якоба. Взглянув на расстроенное личико крохи, у которого от обиды и напряжения на глазах выступили слёзы, он мягко проговорил:

— Давай-ка ты лучше посидишь в сторонке. Не путайся под руками, — ласково добавил Таотэ после секундного раздумья. — Ступай поиграй где-нибудь на чистом месте. Да под ноги гляди, а то ещё наступлю ненароком.

Якоб вмиг покраснел до самых ушек. От смущения он готов был сквозь землю провалиться.

Договорив, великан вновь потянулся к сорнякам. Но стоило его пальцам коснуться земли, как всё его тело ощутимо трянуло. В следующую секунду мир вокруг него безумно завертелся. Небо и земля поменялись местами, голова пошла кругом.

Прежде чем Таотэ успел хоть что-то сообразить, его с силой швырнуло навзничь, на твёрдую землю!